

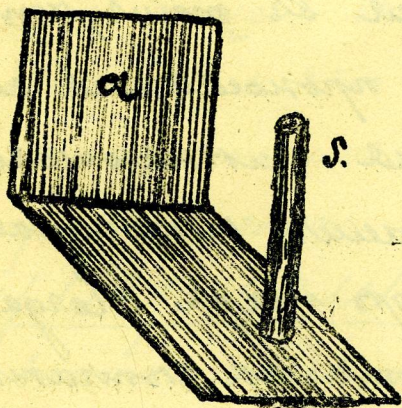
Задавать вопрос, почему обратное изображение не представляет правдивых зрительных впечатлений, значит предполагать, будто в самом органе чувств каждый раз должно иметь место нечто аналогичное познаваемому предмету или явлению. Между тем, когда человек поучается, например, вкусовые ощущения, ничем сходного с самой пищей в органах вкуса не наблюдается; и это отнюдь не кажется нам странным. Столь же неизвестен вопрос о так называемом БИНОКУЛЯРНОМЪ ЗРѢНІИ. Спрашивают обыкновенно, каким образом происходит, что мы, смотря двумя глазами на данный предмет А, например, видим один только предмет А, а не два А.: ведь на самом деле каждый глаз отдельно видит этот предмет. Но с самого раннего детства мы привыкаем поучать всякий раз две группы зрительных ощущений (от одного глаза-одну и от другого — такую же). И впоследствии, наступает

ли одна группа таких ощущений (когда мы посещаем либо один из театров, либо другой закрытый или открытый, мы все равно относим наши ощущения к одному предмету.

Абсолютный порог зрительных ощущений, строго говоря, едва ли возможно определить. Глаза наши воспринимают, как обыкновенно говорят, собственный свет; это сказывается в том, что в темноте мы видим проходящие световые лучи, темные светящиеся полосы, иногда замечаем некоторое мерцание, что то вродь искры. Когда светового воздействия нет, на сетчатке происходят все же какие то процессы, и они сознаются нами, как световые ощущения. А если так, то интенсивность света, представляющая нижний порог, на самом деле образует лишь ту прибавку к „собственному свету“ глаза, которая должна быть не менее, чтобы разница стала заметной и мы ощущаем внешне световое раздражение (здесь идет и не о равенстве порогов,

который выражается, какъ мы видимъ, геометрическими отношеніями, а объ абсолютной величинѣ прибавки).

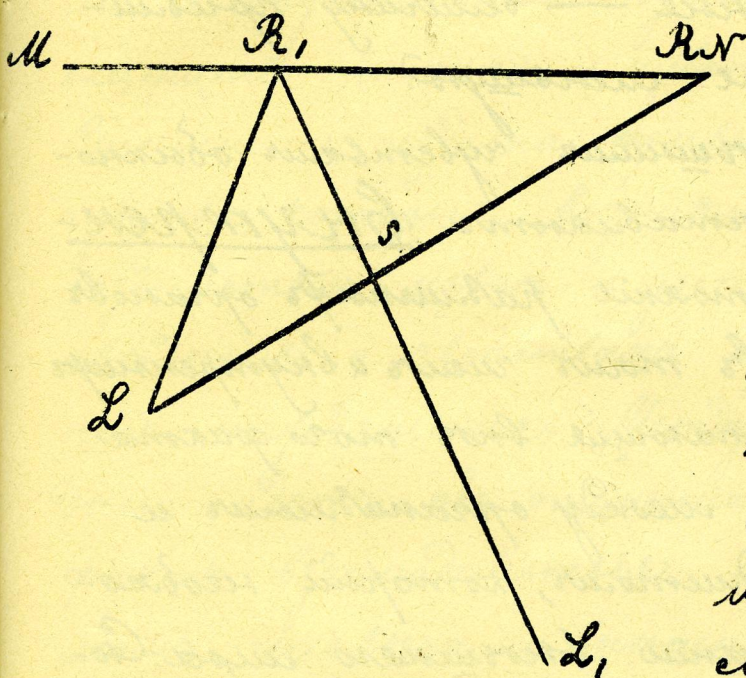
Разностный порочъ зритель-
наго ощущенія Буге и Рей-
Нерв опредѣляемъ съ помощью не-
сложнаго аппарата, гдѣ предъ зѣлою
стѣнкою а, пересѣкающей со сво-
ими основаніемъ
подръ принявшихъ
угломъ, поста-
вленъ небольшой
шестъ З, перпен-
дикулярный къ
основанію. Если
посмотрѣть не да-
леко за шестомъ

2 стеариновые свѣчи на некоторомъ
разстояніи одну отъ другой, то шестъ
будетъ бросать на стѣнку а своего
тѣнь въ двухъ мѣстахъ. Отодвигаемъ
одну свѣчу З отъ стѣнки МН на ка-
кое разстояніе, чтобы тѣнь, бросаема
шестомъ, перестала быть заштрихованной.

Разностный интенсивности свѣта, на-

дающего на MeV отъ свечи L черезъ i ,
а отъ свечи L_1
— черезъ i_1 .

Хотя точка въ
точкѣ R_1 неза-
мѣтна, но R_1
освѣщается лишь
свѣтомъ L , а отъ
свечи L_1 засло-
нена шестомъ
 S , т.е. она освѣ-
щена съ интен-
сивностью i , тог-
да какъ соседняя

съ нею точки освѣщены съ интенсивностью
 $i + i_1$ (прибавки i_1), а потому равнове-
сный порогъ $d = \frac{i}{i + i_1}$. Но интенсивность
свѣта обратно пропорціональна квадра-
тѣ расстояній; следовательно $\frac{i}{i + i_1} =$
 $\frac{L R_1^2}{L_1 R_1^2}$, инакъ равностный порогъ d
 $= \frac{L R_1^2}{L_1 R_1^2}$.

Такимъ образомъ стоить
измѣрить расстояние свѣтъ отъ точки
аппарата и подставить въ формулу

числовая величины, чтобы определить
разностный порогъ. Буде получимъ
для разностнаго порога величину $\frac{1}{64}$,
позднѣйшее уречье — величину приби-
зительно вдвое меньшую.

Внѣшнимъ чувствамъ обыкно-
венно противопоставляютъ внутрен-
нія. Это состояніе различныя органовъ
нашего тѣла (въ томъ числѣ и внутреннихъ
органовъ), наступающій вѣтъ того факта
взаимодѣйствія между организованнымъ и
внѣшнимъ предметомъ, который необхо-
димъ при познаніи внѣшняго міра. Сю-
да относятся, наприимѣръ, боли нервовъ,
ощущенія, которыя мы испытываемъ при
неправильномъ кровообращеніи или вѣдѣ-
ствіе недостатка пищи и питія (голодъ
и жажда), или когда эта послѣдняя
потребность удовлетворена („я сытъ“), со-
стояніе, обуславливаемыя процессомъ ды-
ханія, когда мы вдыхаемъ чистый воздухъ,
сырой воздухъ (также одышка), состояніе
пищеварительнаго канала, наконецъ, и об-
щее состояніе организма — чувство, ко-
торое пошецкій уречье Видѣтъ

характеризуетъ, какъ вовсе не локализи-
руемое (общее чувство).

На пороге между внѣшними и внутренними чувствами стоитъ ощущение тепла и чувство мышечное. Внѣшними издавна привычки называть чувства, которыя возникаютъ благодаря воздействию извне и доставляютъ намъ свѣдѣнiя о свойствахъ предметовъ, внѣ насъ находящихся. Между тѣмъ, когда только идетъ объ ощущенiи тепла, самый фактъ взаимодѣйствiя между органами тела человека и внѣшними объектами болѣею частью ускользаетъ отъ вниманiя человека. Наконецъ тепло не есть нечто такое, что мы стали бы приписывать внѣшнимъ объектамъ, какъ характеризующее ихъ качество.

Мышечное чувство.

Мышечное чувство надо отличать отъ ощущенiй³, получаемыхъ при движенiи; въ наиболѣе чистомъ видѣ эти послѣднiя наступаютъ при движенiяхъ пассивныхъ, когда, напримеръ, рука лежитъ и кто-

нибудь ее поднимаетъ. Крайне осязатель-
 ныхъ ощущений, видную роль играютъ
 въ этихъ слуховыхъ ощущенияхъ, которые со-
 пряжены съ состояніемъ слезокъ данного
 органа. Среди собственно мускульныхъ
 ощущений различаютъ ощущения, которы-
 ми сопровождается напряженіе муску-
 ловъ (тратя силы, сама по себѣ) и —
 сокращеніе ихъ: мускульныя ^{ощущенія} не одина-
 ковы, если въ одномъ слуховомъ держатъ
 гирю, а въ другомъ столько же силы
 тѣхъ же мускуловъ потратить на выст-
 рогъ ихъ сокращеніе, передвиженіе органа
 — руки. Мускульныя ощущения принадле-
 жатъ иногда къ разряду чисто внутрен-
 нихъ, напримеръ, утолщеніе мускульной
 системы, боль мускуловъ и пр. Но съ другой
 стороны, этотъ терминъ обнимаетъ и
 слухи, гдѣ мы кое-что познаемъ от-
 носительно внѣшняго міра. Понимая
 мускульныя ощущения, мы образуемъ
 себѣ понятія пространственной вели-
 чины наблюдаемыхъ предметовъ и выра-
 жаемъ ихъ иррото пространства. Когда
 — то считали эту идею природенной;

но уже англійскіе мыслители Локк
и затѣмъ Беркли стали утвер-
ждать опытное ея происхождение. По-
нятие о пространствѣ мы устанавли-
ваемъ, думаемъ Локк, благодаря зри-
тельнымъ и осязательнымъ ощущеніямъ.
Беркли же утверждалъ, будто источни-
комъ нашихъ пространственныхъ пред-
ставленій являются собственно осяза-
тельные ощущенія. Преемникомъ Беркли
удалось представить болѣе полный и бо-
лее точный анализъ идеи о простран-
ствѣ. Бруно, одинъ изъ представи-
телей Шотландской философской школы,
настаиваетъ на томъ, что зрѣніемъ мы
воспринимаемъ только миръ свѣта и,
сколько бы мы ни получили зрительныхъ
ощущеній, мы понятіе о величинѣ и фи-
гурѣ находящихся передъ нами предметовъ
составить себѣ не можемъ. Остается
чувство осязанія. Но, помочимъ, главъ у
меня закрыты, руки лежатъ неподвиж-
но, и другою рукою двигаю какой-
либо предметъ такъ, чтобы послѣдній все
время прикасался къ моеи рукѣ. Пред-

ставления о величине этого предмета у меня не получится. Таких образцов, и осязание не даетъ свѣдѣній о пространствѣ. Какимъ же путемъ образовать мы себя идею эту? Возьмемъ примѣръ, аналогичный только что приведенному. Пусть глаза у меня закрыты, но я соимъ проводку рукою вдали предмета, который передъ мной передвигаетъ другое лицо. Тогда по некоторому понятію о величинѣ находящагося предо мною объекта вырабатывается. Имѣлъ же такой опытъ отличается отъ предшествующаго? Нѣ осязательными ощущеніями, которыя мною много и прежде, теперь прибавилось сознание выполненной мускульной работы — мускульное чувство. Итакъ, понятіе о пространствѣ мы образуемъ себя благодаря мускульному чувству. Спрашивается, какую роль играетъ въ такомъ случаѣ при опредѣленіи пространственной величины предмета чувство осязания и зрѣнія? Пусть предо мною лежитъ шаръ. Глаза у меня, полагаясь, закрыты. Я коснусь случайно шара

и хочу взять его в руку. Разогнута палец, т.е. производу рядъ мышечныхъ движений, и беру шаръ в руку, ощущаю его, т.е. получаю осязательные ощущения. Пусть я такой опытъ повторю несколько разъ и притомъ съ однимъ и тѣмъ же шаромъ. Мои мышечные ощущения окажутся ассоціированными съ осязательными (одъ ассоціированіи см. ниже), и, если какимъ-либо образомъ (когда, напримеръ, ико вложатъ в руку шаръ, такъ что я мышечныхъ движений при этомъ производить не буду) у меня возникнутъ только осязательные ощущения, я тогда же въ силу ассоціации воспроизведу и мышечные, т.е. припомню также и мое представление о вѣличинѣ предмета. Еще чаще ассоціируются съ мышечными ощущениями зрительные. И вотъ, осязательные и зрительные ощущения являются, такимъ образомъ, какъ бы заместителями мышечныхъ. Но этого мало. Пусть глаза у меня закрыты. Я проведу рукой, но ни одного предмета при

этому не коснуясь. У меня образовалась
 лишь весьма смутная пространствен-
 ная идея. Но пусть проводку рукой по
 столу и получаю рядъ осозательныхъ
 ощущений. У меня въ то же время воз-
 никаетъ и болѣе точная и определен-
 ная пространственная идея. Еще болѣе
 определенной становится она, если я
 подобный опытъ производю съ открыты-
 ми глазами. Осозательные и зритель-
 ные ощущения являются какъ бы въ-
 ходомъ при опредѣленіи промежуточныхъ
 пространства. Благодаря имъ наши
 пространственные представленія ста-
 новятся фиксированными, приуроченны-
 ми къ известнымъ предметамъ, а по-
 тому и болѣе определенными. Однако,
 истиннымъ источникомъ при образова-
 нии этихъ идей является все же толь-
 ко чувство мускульное. Бернъ, при-
 нимающій въ общемъ приведенную теорію,
 добавляетъ, однако, къ ней положительное
 замѣчаніе. Зрѣніе не можетъ намъ
 доставить идею о пространствѣ. Но
 самый процессъ зрѣнія обыкновенно со-

проводится работой мускулов, и ощущений, отсюда происходящих, могут играть такую же роль, как и чувства, которые возникают при работе других мускулов, т.е. могут явиться прямыми источниками при образовании наших представлений о пространственной величине. Пред мною, помню, стоить шесть. Я окидываю его взором. Мускулы, заставляющие движение глаз, производят известную работу. Я вижу дом. Поднимаю глаза, чтобы посмотреть на крышу, и окидываю взором стону от одного угла до другого. Опять известные мускулы у меня работают. События зрительные ощущения ни в том, ни в другом случае не дают мне никаких указаний относительно величины находящихся передо мною объектов. Но ощущения мускульные, которыми зрительное сопровождается, из которых сводится на этот счет мне доставляют. Впрочем, процесс зрительный протекает так, что во всем мыслятся и иные данные для

суждения о величине и фигуре предмета. Обратное изображение объекта занимает на сетчатке не одинаковое по фигуре и величине место, если представляются нашему взору (на одинаковом расстоянии от нас) предметы, различные по своей фигуре и величине, например, большой куб и маленький шар. Фигура и величина предмета и могут характеризоваться только, какая совокупность разветвлений зрительных нервов аффицируется обратным изображением предмета.

При определении расстояния, на котором предмет от нас находится, важную роль играет аккомодация. Твердость так называемого зрачка зависит, как известно, хрусталиком, прозрачным чечевицеобразным, преломляющим световые лучи, телом. Хрусталик мы сжимаем или разжимаем, смотря по большей или меньшей отдаленности от нас предмета, так что в результате обратное изображение предмета падает имен-

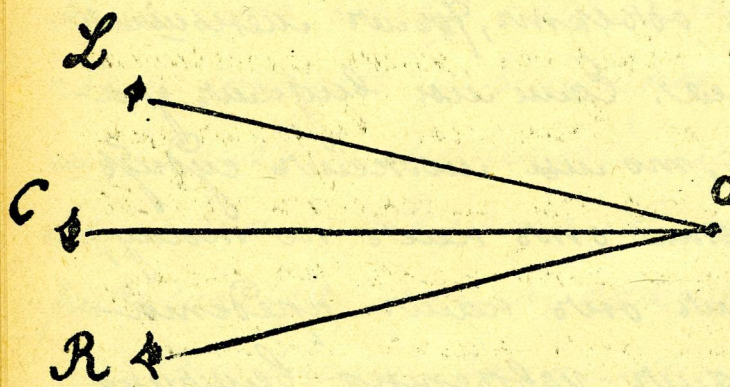
но на съотвѣтству (отвѣтливое зрѣніе). Та-
кой процессъ аккомодации представляется
такимъ образомъ некотораго рода дан-
ные для сужденій о томъ, какъ далеко
находится отъ насъ предметъ. Чемъ
дальше отъ насъ объектъ, тѣмъ меньшимъ
онъ намъ кажется. Если мы видимъ зна-
комый предметъ, то мы можемъ судить
о его отдаленности отъ насъ по тому,
насколько малымъ онъ намъ предста-
вляется. Если намъ известна величина
предмета, находящагося между нами и
даннымъ объектомъ, это также можетъ
помочь намъ при сужденіи о разстояніи,
отделяющемъ насъ отъ предмета (пер-
спектива).

Итакъ, уже монокулярное
зрѣніе (процессъ совершающійся въ каж-
домъ глазу отдельно) содержитъ въ себѣ
моменты, которыми можно пользоваться
при сужденіи о разстояніи отъ насъ
предмета.

Если мы смотримъ на пред-
метъ обоими глазами, то оптическія оси

Проф. Лейкфельдъ. Психологія. Листъ I.

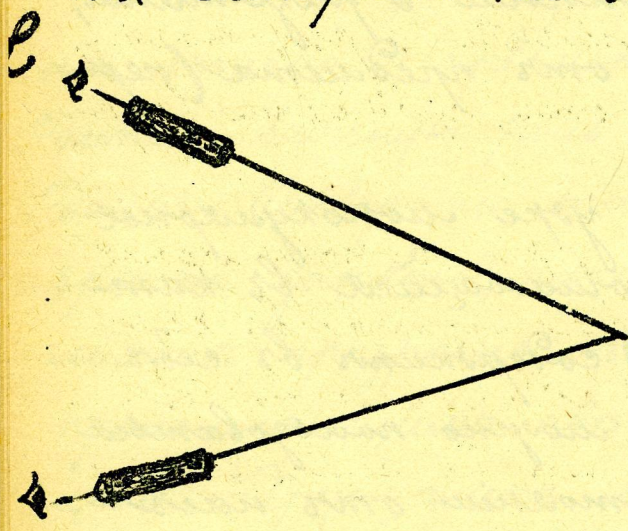
ить, какъ известно, пересѣкаются на объектъ и къ линіи пересѣченія осей мы и относимъ предметъ, такъ что выходитъ, будто мы видимъ его магомъ циклопа (фиг. I.). То же мы можемъ зна-

Фиг. I.

чение именно
линіи пересѣ-
ченія осей, об-
наруживается
наглядно изъ
приводимыхъ обы-
кновенно въ руко-

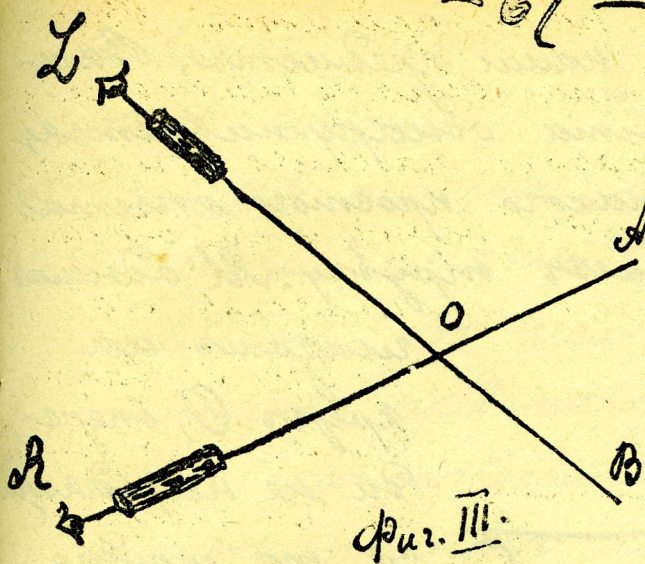
водствахъ по физикѣ — опытовъ. Пусть
мы смотримъ на два совершенно ди-
наковыхъ предме-
та A и B.

Фиг. II.

черезъ трубки m
и n. Мы уви-
димъ лишь одинъ
предметъ, давший
сѣбя A и B, —
въ точкѣ O (фиг. II.).

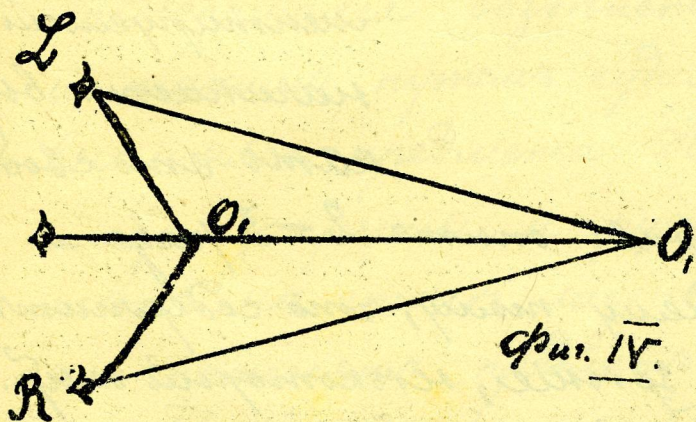
Такимъ же образомъ мы увидимъ его
всегда при иномъ расположеніи объек-
товъ и иномъ направленіи трубокъ

Фиг. III.

(фиг. III.) Пусть из двух предметов, находящаяся на зрительной оси (идущей от глаза циклопа), один находится дальше от нас в точке

O (фиг. IV), а другой ближе к нам, в O. Оптические оси в двух этих случаях принимают

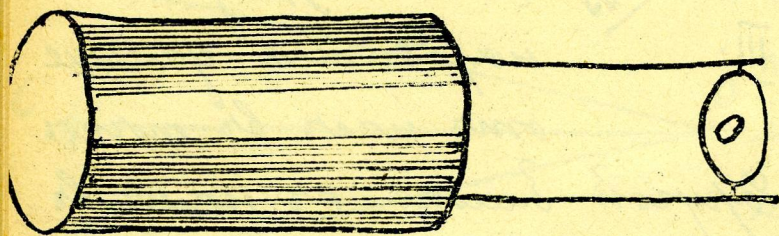

Фиг. IV.

равное направление. Но чтобы оптический ось, выходящий из O, принял направление LO, и RO, приняв

направление LO и RO, мы должны несколько сдвинуть зрачки и придать каждой из них, вместе со всей глазным яблоком, несколько иное положение. Такое присоединение глаза при бинокулярном зрении и представляет добавочный момент при определении расстояний, на каком находится

отъ насъ видимый нами предметъ. Важность этого момента обнаруживается, напримеръ, изъ такого простаго опыта. Если смотрѣть чрезъ трубку М однимъ

глазомъ на кругъ О, впереди не находящійся, то трудно продвигать чрезъ О палочку; обыкновенно экспериментируемый начинаетъ выводить это свобод-

но лишь повторивъ опытъ 2-3 раза и прибавивъ ко всему тому, что содержитъ монокулярное зрѣніе, некоторый опытъ.

Подобно зрительному, и осязательное ощущеніе содержитъ некоторые данныя для сужденій о пространствѣ. Пусть осязательное ощущеніе вызывается на болышомъ пространствѣ поверхности данного органа: возникаетъ осязательное ощущеніе, представляющее какъ бы болышею сумму ощущеній; ко-

мнѣстество этихъ складывающихся въ одно
цѣлое ощущеній будетъ менѣшимъ при
менѣшей площади вѣншикаго воздѣйствія.
Необходимо имѣть въ виду еще одно объ-
явленіе. Въ числѣ другихъ простран-
ственныхъ представленій мы вырабаты-
ваемъ себѣ представленія о величинѣ и
фигурѣ органовъ нашего тѣла. Когда
мы закрываемъ глаза, мы воспріятыя, мы
между прочимъ обращаемъ вниманіе на
то, велика ли часть нашего организма
„подвергшаяся воздѣйствію извне, и уже
и такимъ путемъ судимъ о величинѣ
вѣншикаго предмета. Пусть у человека
глаза закрыты, и рука неподвижно ле-
житъ на столѣ ладонью вверхъ; надъ
ней проносятъ предметъ и прикасаются
къ ней въ одной какой-нибудь точкѣ;
экспериментировавши, склонены думать,
что это — предметъ очень малый, или,
по крайней мѣрѣ, одна изъ плоскостей,
составляющихъ его поверхность, гребен-
чато малая. Но пусть предметъ косне-
ся сразу всей ладони; тогда экспери-
ментировавши, утверждаютъ, что одна изъ сторонъ

предмета не менее ладони руки. Итак, мускульный, зрительный и осязательный ощущения содержат непосредственные данные для суждений о пространстве; но никакое из этих ощущений не есть восприятие пространства: необходимо эти ощущения еще каждый раз перерабатывать. Какъ они при этой переработке трансформируются въ „пространственные восприятия“, остается вопросом открытым.

ВРЕМЯ. Въ связи съ идеей пространства обыкновенно говорятъ объ идее времени. Когда то и то и считали объзъ природеннымъ. Идея времени получается благодаря тому, что мы наблюдаемъ въ себѣ преемственность нашихъ впечатлѣній, нашихъ состояній. Одно состояние сменяется другимъ и, когда наступаетъ другое, первое представляется намъ лишь въ воспоминаніи, становится тусклымъ и уже этимъ резко отличается отъ того, какъ оно переживалось нами. Длительный состояній какъ бы распа-

Даются на несколько звуковъ и въ то время, какъ переживается слѣдующій моментъ, состояніе предыдущаго только вспоминается. Таковъ основной моментъ для образованія представленія о времени. Само собою разумеется, время такъ же, какъ и пространство, не ощущается непосредственно; временныя представленія получаютъ благодаря некоторой переработкѣ матеріала.

Представленія. Обыкновенно говорятъ, что представленіе есть совокупность признаковъ предмета. Неправильно было бы, однако, думать, будто представленіе есть простая сумма полученныхъ нами при знакомствѣ съ предметомъ воспріятій. Представленіе предполагаетъ работу болѣе сложную и утонченную, чѣмъ простое суммирование; въ немъ мы объединяемъ данный матеріалъ („признаки предмета“) въ одно цѣлое, утверждая въ большинствѣ случаевъ объективное бытіе соответствующаго представленію вѣщнаго предмета. При этомъ матеріалъ, входящій въ составъ представленія черпаетъ

ся не исключительно изъ чувственныхъ вос-
 пріятій. „Я вижу этого человека въ
 состояніи горя“, говорю я; на самомъ
 дѣлѣ я вижу только цвѣта, съ кото-
 рой натарской можно сказать, — фигуру
 и величину. Все остальное въ представле-
 ніи „о человеке въ состояніи горя“ полу-
 чено мною иными путями. Мало того.
 Составъ представленій не есть нѣчто по-
 стоянное, застывшее. Не только въ рав-
 ныхъ случаяхъ возникновенія у насъ дан-
 наго представленія, но и въ одинъ и той-
 же неважной періодъ, пока оно находится
 въ предѣлахъ, умственнаго кругозора, мы
 сосредоточиваемъ то на одну его сто-
 рону, то на другую; то одни, то другіе
 признаки его ярко стоятъ предъ нами
 или же сознаются лишь слабо, появляю-
 ся или совсѣмъ исчезаютъ изъ сознанія.
 Наконецъ, у разныхъ лицъ представленія
 различны. Они неодинаковы уже прѣжде
 всего по своей яркости; далѣе, у одного
 одни элементы являются преобладающими,
 у другого — другіе. Особенно часто
 такую предминирующую роль играютъ

зрительный, слуховой или же мускульный
ощущения. Пусть это и идет, например,
о прочитанной фразе. Одинъ можетъ ска-
зать, на какой страницѣ, какой или пра-
вой, фраза стоитъ, въ какомъ она при-
близительно имѣетъ строицы, можетъ
даже прочесть фразу съ конца къ началу
(Зрительный типъ). Другой какъ будто
все хочетъ двинуть губами и дышать, го-
ды выговаривать слова (моторный типъ).
Третій какъ бы слышитъ слова, какъ и
другой произноситъ, слышитъ въ его рѣчи
особенности его діалекта и пр. (слуховой
типъ). Впрочемъ люди съ постоянно ар-
хивъ преобладаніемъ одного элемента
сравнительно рѣдки.

Объ ассоціиро-
ваніи. Подъ психологическимъ ассоціиро-
ваніемъ разумѣютъ явленіе, когда два
психическихъ элемента, въ самомъ об-
ширномъ смыслѣ этого послѣдняго сло-
ва, оказываются какъ бы соединенными
одинъ съ другимъ и обыкновенно наобо-
ротъ влечется. При видѣ, напримеръ,
Проф. Лейкфелдъ. Психологія. Лекц. 10.

молнии у насъ возникаетъ представленіе о раскатахъ грома и мы ожидаемъ ихъ услышать. Видя портретъ, мы вспоминаемъ о томъ чело́вѣкѣ, который на немъ изображенъ. Запахъ яблока вызываетъ представленіе о его вкусѣ. Вспоминая оъ Александрѣ Македонскомъ, мы невольно воспроизводимъ въ умѣ событія, совершившіяся въ его царствованіе. Когда слышимъ произношеніе „человѣкъ“, и мы слышимъ звуки, составляющіе это слово, у насъ возникаетъ идея о чело́вѣкѣ.

Ассоціироваться могутъ всякаго рода психическіе элементы (а не представленія и идеи только). Въ приведенныхъ примѣрахъ соединены между собою Представленія и Идеи. Подобныхъ случаевъ можно подыскать очень много. Идея о героѣ вызываетъ идею о геройскихъ поступкахъ. Мысль о добродѣтели соединяется обыкновенно съ мыслью о счастіи. Отъ идеи о богѣ мы переходимъ къ идеѣ о богослуженіи. Рѣже встрѣчается, чтобы въ составъ ассоціаціи входили чувствованія. Въ

данномъ городѣ съ человѣками случившееся
пріятное событіе. Вспоминая объ этомъ
городѣ, онъ воспроизводитъ въ мысли и
все происшедшее тогда, а вместе съ этимъ
испытываетъ некоторое пріятное
чувство. Иногда наблюдается
фактъ, что лицо, которому была соде-
лана операція, потому не можетъ ви-
дѣть хирурга: тогда въ зрѣніи у
оперированнаго лицомъ
тяжелыя воспомина-
нія. При смерти близкаго
родственника присутствовалъ кто-то
А, бывшее мое когда и нигдѣ не видѣ-
ли. Встрѣтившись впоследствии съ этимъ
человѣкомъ, мы вновь вспоминаемъ о недав-
немъ событіи и въ некоторой степени сно-
ва предаемся горю. Наконецъ, ассоцірова-
нію подслоратъ и явленія воле-
воля. Моракъ выполняетъ команду
своего капитана, не разсуждая, почему не-
обходимо именно такія, а не иныя дѣй-
ствія. Волевыя явленія у него оказываются
связанными непосредственно съ извѣст-
ными представленіями и идеями. Поста-

точно, чтобы возникла одна из таких идей. Достаточно, чтобы мораль сознавал, слышал команду, и у него наступает соответствующий волевой процесс, он рождается на известный поступок и выполняет то, чего от него требуют. Говоря о применении закона ассоциирования волевого процесса, обыкновенно указывают также и на то, что ассоциируется: 1) идеи с автоматическими мускульными движениями и 2) мускульные движения между собой.

Ассоциации первого из этих разрядов мы имеем, например, в следующие случаи. Человечка называют по имени, и он невольно оборачивается в ту сторону, откуда слышал голос. Музыканты смотрят на ноты, и пальцы автоматически производят у него соответствующий движения. Достаточно часто такие и ассоциации 2-ой группы. Когда человек идет, он беззаметно передвигает одну ногу вперед за другой: одно мускуль-

ное движение как бы вызывает у него другое
в силу своей связи с этим, последним.
Такой же характер могут носить дви-
жения пальцев при видении круга, движе-
ния ног при танцах. Так как ассо-
цирование подмечают всякого рода пси-
хические элементы, то следовало бы со-
вершенно говорить об этом законе в
общей части психологии — во введении,
а не в специальном отделе, который
посвящен познавательным актам.
Во время обь ассоциаций ^{обыкновенно} все же помю-
щают сюда потому что ассоцирование
всего еще надбодается и имеет на-
бавшее значение в области познава-
тельных процессов.

Различают ассоци-
ации последовательныя
и одновременныя. Если две
идеи связаны между собою так, что
одна возникает после другой, ас-
социацию называют последова-
тельною. Все указанное выше
примеры относятся к этому раз-
ряду. Если же два или несколько пси-

ческих элементов соединены между собою так, что воспроизводятся обыкновенно одновременно, мы и ассоциацию называемъ одновременной. Напримеръ, понятія наши о собакахъ, породе, театрѣ и пр. можно каждое разсматривать какъ сложную группу идей или представлений (съ отрывками признаковъ собаки, породы, театра и пр.), возникающихъ вместе и притомъ одновременно. Если связаны между собою только два идеи или вообще два психическихъ элемента, ассоциацию называютъ простой; въ противномъ случаѣ — сложной. Почти всегда имѣютъ у насъ на самомъ началѣ много ассоциаций сложныхъ. Приведенные примѣры одновременныхъ ассоциаций относятся къ типу сложныхъ одновременныхъ.

Сложную последовательную ассоциацию мы имѣемъ, напримеръ, когда человекъ запомнилъ буквы алфавита или цѣлый рядъ историческихъ событій, которые слѣдовали одно за другимъ.

Все это изложение предпола-
гает как бы застывший, независимый
от самого ума представлений, какія
принадлежатъ въ него вѣщныя. Нечего и
говорить, что на самомъ дѣлѣ, ассоціатив-
ныя связи распространяются на душев-
ныя состоянія наши. Вѣрно,
для простоты рѣчь болѣе частью
идетъ о слогическихъ состояніяхъ, преимуще-
ственно о представленіяхъ; на самомъ
дѣлѣ, связи ассоціаціи распространяются
уже на самыя мелкія психическія
единицы.

Психическія ассоціаціи объ-
ясняются изъ двухъ принциповъ: смеж-
ности и сходства. Если двѣ идеи нѣ-
сколько разъ возникаютъ посплу-модо
вѣность, между ними устанавливается
связь по смежности, и, когда потомъ
вызывается одна изъ нихъ, вѣность
съ нею вызывается и другая. Пусть я
часто вижу какую-нибудь хижинку
и около нея садикъ; вспоминая о жи-
зинѣ, я въ то же время представлю се-
бѣ и садъ, близъ нея расположенный. Нѣ-
которыя ассоціаціи возникаютъ по сходству. Если двѣ идеи нѣ-
сколько разъ возникаютъ посплу-модо
вѣность, между ними устанавливается
связь по сходству, и, когда потомъ
вызывается одна изъ нихъ, вѣность
съ нею вызывается и другая. Пусть я
часто вижу какую-нибудь хижинку
и около нея садикъ; вспоминая о жи-
зинѣ, я въ то же время представлю се-
бѣ и садъ, близъ нея расположенный. Нѣ-
которыя ассоціаціи возникаютъ по сходству.

да выпадетъ зночь, начинаютъ вздѣ-
на самарь. Проснувшись и увидя первый
зночь, мы думаемъ о вздѣ на самарь.
Съ другой стороны мы нередко перехо-
димъ мыслью отъ одной идеи къ дру-
гой, съ ней въ какомъ-либо отноше-
сходной. Портретъ вызываетъ
мысль объ оригиналь. Путешествен-
никъ, переезжая изъ одной страны въ дру-
гую, воспоминаетъ при видѣ зданій, горо-
довъ, новыхъ живописныхъ картинъ, сход-
ные съ теми въ томъ или другомъ отно-
шеніи зданія, города и ландшафты, кото-
рые онъ встрѣчалъ раньше. Иногда ока-
зываютъ свое вліяніе оба принципа вѣ-
стыя. Путешественникъ побываетъ въ двухъ
городахъ, которые кое въ чемъ сходны
одни съ другими. Вспоминая объ од-
номъ изъ нихъ, онъ представляетъ себѣ
и другой частью по причинѣ сходства
между ними, частью же потому, что
видѣлъ ихъ непосредственно одинъ послѣ
другого, и представленія о нихъ воз-
никши у него тогда смѣсно одно съ
другимъ. Впрочемъ, каковая вообще

эти два принципа ассоциирования, необходимо обратить внимание на коренное различие между ними. Когда мы говоримъ объ ассоціаціяхъ по сущности мы имеемъ въ виду самый процессъ образования связи и указываемъ на предшествоующіе психическіе факты, изъ которыхъ ассоциирование объясняется. Если, утверждаемъ мы, два идеи въ предѣлахъ нашей опытности въ силу какихъ бы то ни было вѣншихъ условий возникали несколько разъ вместе, они оказываются связанными. Событіе, которое возникло въ предѣлахъ нашей опытности — обстоятельство предшествоующее, причина. Ассоціація — фактъ послѣдующій, отсюда вытекающій — следствие. Въ виду такого характера нашего ученія объ ассоциировании по сущности мы и можемъ сказать, что психология устанавливаетъ въ этомъ случаѣ нѣкоторый законъ, въ смысле формулы, опредѣляющей причинную зависимость между явлениями, — только законъ, не вполне точно сформулированный ибо

Клар. Лейкфелдеръ. Психология. Лекція II

предшествующее обстоятельство, благодаря которому образуется связь, мы описывать недостаточно определенно; мы говорим: внешние условия должны НОВ-СКОМЪКО раз вызвать две идеи вместе. Таково наше мнение об ассоциировании по смежности. Между тем ничего подобного нельзя утверждать относительно ассоциаций по сходству. Никакого предшествующего процесса ассоциирования они не предполагают. Увидев портрет, мы вспоминаем о нашем знакомом, на нем изображенном, и в то же время, если фотографии нашего никогда прежде не попадались. Ассоциации сходства представляют во всякий момент душевной жизни человека нечто готовое, данное. Процесса соединения идей здесь не наблюдается; трактуя о таких психологических связях, мы не указываем и не можем указать ни на какие предшествующие обстоятельства, которые следовало бы рассматривать как необходимое условие или причину ассоциирования, никакого закона

психологъ туръ не устанавливается. Въ этомъ случаѣ наша ^{наука} ~~наука~~ находитъ общій фактъ, — что часто въ умѣ человека возникаютъ одна за другой идеи, въ какомъ-либо отношеніи сходныя между собой.

Ассоціаціи сходства прямо предполагаются закономъ относительности. Невозможно бы найти сдѣлать приложения, если бы ихъ не было. Мы не могли бы при познаваніи новаго объекта сравнивать его съ другимъ, если бы у насъ не воспроизводились при этомъ процессы, какъ матеріалъ для сравненій, представленія объ объектахъ, которые сходны въ томъ или другомъ отношеніи съ наблюдаемыми.

Нередко называютъ еще 3^й принципъ — принципъ контраста. Путешественникъ, переезжая изъ одного мѣста въ другое, вспоминаетъ не только города и мѣста сходныя, но и только отличныя отъ того, по которому ему приходится проѣзжать. При видѣ великана мы вспоминаемъ о карликахъ.